

16+

Евгения Черноусова
УТЯТИНСКИЙ летописец

Евгения Черноусова Утятинский летописец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43117000

SelfPub; 2019

Аннотация

Сотрудница провинциального музея пишет книгу о Василии Коневиче – местном помещике, поэте, убитом в середине XIX в. В ходе её расследования выясняется, что в следственных документах обвинён невиновный, что свидетелями и участниками той давней истории была сестра её прапрадеда и предки некоторых её знакомых.

Глава 1

– Девочки, зарплатку дают? – В учительскую влетела Раечка Ивановская, прижимая к груди стопку тетрадей. – Если нет, то я...

– Не принесли еще, – глядя поверх газеты на Раечку, ответил историк Георгий Петрович по кличке Гэпа. – Но обещали.

– Тогда и я пообещаю, что на конкурсе выступлю! А сама домой пойду! Чёрт-те что! У меня денег даже на хлеб не осталось!

– А за сколько ты этот костюмчик прибомбила? – спросила библиотекарьша Надя.

– А что, хорош? – закружилась перед трюмо у входа Раечка. Костюмчик был неплох: длинная почти в пол юбка и пиджачок до талии, туго обтягивающие ее стройную фигуру.

– Красота! Но на размерчик бы побольше.

– Что ты, Надя, понимаешь в современных тенденциях!

– Опять вы, девки, о тряпках! Значит, не такое уж бедственное положение у российских бюджетников.

Это Александра Ивановна, дама предпенсионного возраста. Сама-то тоже не в рубище одета, у нее муж в администрации работает.

– Александра Ивановна, достали меня сегодня ваши десятиклассники, – переключилась на нее Надя. – Каждую перемену приходили по несколько человек и спрашивали энциклопедию на «И». Оба издания в ходу, и черное, и крас-

ное. В черном-то «И» в двух томах. Говорю, какое слово? Не отвечают. Ну, хоть букву вторую скажите! «Н». Полистают, пошепчутся и уходят. Не иначе, думаю, какая-нибудь похабщина. Полистала и я – вроде, все слова приличные. Потом уже Бокин мне сказал, что вы задали им выписать в тетрадь значение слова «Инциклопедия».

– Не волнуйся, Наденька, завтра будут спрашивать на букву «Э», – захохотала Александра Ивановна. – Я задам им слово «Энтеллигент».

В дверном проеме нарисовалась завуч Ольга Сергеевна.

– Георгий Петрович, зайдите, пожалуйста, ко мне. Надя, если сегодня зарплату дадут, собери на педобщество.

– Ольга Сергеевна, я пришла на профсоюзные нужды собирать! Я не могу по двум спискам, они у меня перепутаются!

– Ладно, Фаечку озадачу. Или вот, Аня!

В учительскую мимо Ольги Сергеевны проскочила физкультурница Анна Павловна:

– Уже начали деньги давать? Ой, мне же на благоустройство собирать!

– А чуть работа кончена, гляди, стоят три дольщика: бог, царь и господин! – это русичка Александра Ивановна цитирует с раздражением.

Ольга Сергеевна с не меньшим раздражением взглянула на нее, но связываться не стала. И свое раздражение вылила на Раечку:

– Раечка, извини меня, но в этом прикиде ты как глиста в корсете! – и хлопнула дверью.

– Вот зараза! – сказала не сразу пришедшая в себя Рая. – По самому святому с разбегом!

– Ты, Рая, на нее не обижайся, – с трудом сдерживая смех, сказала Надя. – Она просто сегодня с утра заведенная. Эпа вчера в кочегарке пил и до дома не дошел. На Пушкинской лежал, пока его Сашка Огородников на патрульной машине домой не отправил. А про прикид твой... так она сама рассказывала, как их с Александрой Ивановной в молодости завуч гоняла домой переодеваться, когда они на уроки в брюках пожаловали. Да, Александра Ивановна?

– Это Олечка была в брюках. А я в юбке солнце-клеш. Пелагей меня так, за компанию турнула. Мол, крутанешься и бельишко старшеклассникам продемонстрируешь.

– Вот ведь какие трудности были у вашего поколения. А нам только хаят. Домой отправить – это бы за счастье! Надь, что бы такое надеть, чтобы прогнали?

– Не знаю... а вы как думаете, Александра Ивановна?

– Разве что мини-мини юбку.

– Это что за модель?

– Ягодицы, застегнутые на булавку!

Девчонки хохочут. Вместе с ними прыскает Елена Игнатьевна. И со смехом просыпается. Школа Елене Игнатьевне Тумбасовой, сотруднице Утятинского городского краеведческого музея, снится почти каждую ночь. Десять лет уже

не работает она там, с того самого дня, когда пришлось написать заявление по собственному желанию, а просыпается по-прежнему в половине седьмого, как было на протяжении тридцати с лишним лет. Только обычно сны невеселые: то она спорит с тупым директором Кузнецовым, то объясняет чуть менее тупому выпускнику Юрке Кожевникову методы решения Диофантовых уравнений.

В проходной комнате она поправила одеяло на Зое и вздохнула над изменившейся внешностью дочери. Последний месяц ее лицо стало сильно отекает, покрылось пятнами. Участковый терапевт Ирина Владимировна, невнимательно просмотрев бланки анализов, вздохнула: «Ну что вы хотите, пиелонефрит!», и назначила лечение. Теперь Елена Игнатьевна долечивала дочь травками.

Засыпая брусничный лист в термос, она вспоминала, какой красавицей была ее дочь в первые месяцы, и даже годы жизни, пока не стала очевидной ее болезнь. Отставание в развитии становилось заметным лет с полутора. Девочка поздно стала говорить, плохо усваивала правила гигиены. Елена Игнатьевна все понимала, но продолжала ездить по врачам, надеясь, что все можно преодолеть. В Москве сестра Эля пробила для нее прием у самых крутых специалистов (страшно подумать, во сколько ей это обошлось! В ответ на прямой вопрос сестра отмахнулась: «Уж всяко, преподаватель вуза может себе позволить больше, чем школьный учитель!»). Крутые-то крутые, но сказали то же, что и

провинциальные врачи: «Не тратьте денег, мамаша, врачи вам не помогут. А вот педагогический инструментарий у вас в руках».

Елена Игнатьевна душу вложила в борьбу за развитие дочери. С невероятным терпением она работала над ее дикцией, заставляла с голоса запоминать большие отрывки из книг, чтобы развить ее речь. Рассказывала сказки, заставляя дочь пересчитывать сказочных героев, чтобы с ними не случилась беда. Когда Зоя научилась писать, она завела для нее дневник, куда дочь должна была ежевечернее записывать все, что произошло с ней за день. Конечно, ни на какой анализ своих действий и выводы из произошедшего Зоя не была способна. Но долгие годы ведения дневника приучили ее к дисциплине. Иногда она обращалась к нему и днем, простодушно объясняя матери: «А то забуду». Со знаками препинания и заглавными буквами Зоя так и не разобралась. Впрочем, ее письменная речь, в отличие от устной, была лапидарной: «приходил сан техник гремел железкой он страшный», «тетя эла хорошая принесла пирожки», «юра в музее сказал волк бывает живой», «надя меня любит сказала лучше стобой». К последней записи потребовались пояснения. Зоя, очень довольная, рассказала, что спросила у Нади Василевской, любит ли она вечно ругающуюся парализованную бабушку Гашу, на что Надя ответила, что любит. А на вопрос, кого больше любит, бабуку или ее, сказала, что лучше бы ей жить с Зоей.

Проблемы с общением были не меньшие, чем с интеллектом. Маленькой Зоя не любила выходить из дома, пряталась при виде незнакомых людей, плакала, если кто-то рядом смеялся. Елена Игнатьевна много работала и над этим, однако сознавала, что есть в Зоиной нелюдимости и плюсы: мало ли кто мог воспользоваться доверчивостью больного ребенка. Девочка знала соседей и друзей матери, к одним была привязана, к другим относилась нейтрально, третьих и вовсе боялась. Как ни странно, к числу последних относились самые близкие Елене Игнатьевне люди: сестра Эля и подруга с детсадовских времен Лена Шпильман. Она уговаривала дочь не дичиться, но в глубине души понимала, что Зоя чувствует то, что не всегда видят нормальные люди. И Лена, и Эля брезговали Зоей. Они мужественно делали вид, что воспринимают ее как все, и окружающие этого не замечали. Но больная девочка каким-то инстинктом чувствовала их отношение и старалась отгородиться от людей, которым неприятна.

Отвлекаясь от прошлого, Елена Игнатьевна подумала, сможет ли сегодня урвать немного времени на правку последних глав своей книги. К десяти нужно в поликлинику. Часа два-три эта дурацкая диспансеризация займет. Может, попросить Юрку освободить ее от этой формальности? Елена Игнатьевна писала легко, но впервые перенеся написанный пером текст на компьютер, ошалела от возможностей правки текста. Через некоторое время она поняла, что из документального текста кроит беллетристику. Хорошо по-

думав, скопировала текст в ту же папку «Коневич» и переименовала его. Теперь один документ назывался «Утятинский летописец», а другой – «Лебединая песня Василия Коневича». И Елена Игнатьевна смеясь сказала Лене Шпильман, что мечется между ними как диккенсовский мистер Дик между Мемориалом об отрубленной голове Карла Первого и судебными документами для переписки. Тем не менее, работа продвигалась, и накануне она дошла до главы про убийство Василия Михайловича Коневича.

Глава 2

Убийство Василия Ивановича Коневича, старшего сына утятинского предводителя дворянства, потрясло всю губернию. Первое следствие по этому делу проводилось «по горячим следам» сотрудниками временного отделения утятинской полиции и заключило, что Коневич покончил жизнь самоубийством. Якобы Василий Михайлович писал стихи, а потом вдруг в лирическом настроении вышел на балкон и бросился с него вниз головой. Когда сведения о случившемся дошли до гражданского губернатора, следствие было возобновлено. Губернатор отправил на место преступления старшего советника губернского правления Шилова.

И теперь Григорий Алексеевич Шилов, остановившийся в номерах при трактире Попова, подходил к зданию присутственных мест, где уездное полицейское управление занимало шесть комнат. Представившись полицейскому исправни-

ку, возглавлявшему управление, он попросил познакомить его с предварительными протоколами и вызвать пристава стана, который возглавлял временное отделение.

— А вот медицинский протокол, — спросил Шиллов. — Врач Зильбер, занимавшийся осмотром трупа, констатировал, что причиной смерти стало сдавление в паху. Как же это согласуется с окончательным выводом о самоубийстве?

Дородный становой пристав, вытирая пот со лба и обширной лысины, сказал:

— Вердикт врача не стали подвергать огласке по этическим причинам.

— Не подвергли огласке — это правильно... но как могли вывод такой сделать?

— Но ведь есть еще медицинский протокол, подписанный врачом Зайончковским.

— Очень пространный протокол. Из него губернские врачи никакого вывода сделать не могли. Ну, полно, Илья Пантелеевич. Я ведь ни в чем вас не подозреваю. Михаил Васильевич, вероятно, высказывал вам какие-то соображения?

— Михаил Васильевич... он сломлен. После смерти сына он еще держался. Но когда случилось это ужасное событие... вы слышали?

— Что-то слышал, но даже не осмелился бы повторить. Сказки какие-то.

— То-то и есть, что страшные сказки у нас наяву сверша-

ются. Архангельский собор у нас сгорел, как хворост, — становой пристав перекрестился. Вслед за ним перекрестился и Шилов. — Вспыхнул от грозы и сгорел. И гроб с телом сына его...

— А какова причина, что его в городе отпевали? В Конь-Васильевке, известно же, монастырь богатый с тремя храмами. И местный приход.

— Не могу даже предполагать. Но такова воля семьи.

— А почему тогда не в Петропавловском? Собор едва ли не самый благолепный не только в уезде, но и во всей губернии.

— Полагаю я, что дело в необыкновенной привязанности покойного к храму сему. Известно, как Василий Михайлович всякими древностями интересовался. Крестьянам объявил, что за всякую найденную древность будет вознаграждение. И в газеты отписывал о давних временах. Недаром в местном обществе звали его «Утятинский летописец». А холм кладбищенский он неоднократно обходил. Утверждал, что пустоты там имеются и, возможно, разбойничьи сокровища хранятся.

— Вон оно что. Сказано в Священном Писании: «Не собирайте сокровищ на земле...» Стало быть, и под землей негоже. Что же, следствие приказано возобновить. Мне нужно побеседовать с врачами, выехать на место преступления. Как найти мне господ Зильбера и Зайончковского?

— Э-э... Господин Зайончковский, насколько я знаю, в настоящий момент в Конь-Васильевке, Михаила Васильевича

ча пользуется. А Григорий Акимович, надо думать, на месте. Прикажете вызвать?

– Как вы сказали? Григорий Акимович? А лет ему, должно быть, тридцать пять... тридцать семь?

– Точно так-с. Знакомый?

– Наверное. Сослуживец мой Аким Зильбер, тогда унтер-офицер, спас мою жизнь в 25-м году под Амираджиуртом, за что представлен был к Георгию. Помню супругу его Марью Семеновну и старшего сына Гришеньку. Младший, помню, был, но как звали... С тех пор нам видеться не довелось, но слыхал, что он до капитана дослужился, а сыновья его в Дерпте обучались.

– Да-с. Матушка Григория Акимовича, царствие ей небесное, здешняя уроженка, Ветошникова в девичестве. От деда ему и домик перешел.

– Вот вы и укажите мне адрес этого домика. А я своего знакомца навещу.

– Так если я вам более не нужен, то по делам отправлюсь. Меня в Чепулинском волостном управлении ждут. И вас к дому Григория Акимовича подвезу.

Дрожки мягко катились по пыльной улице. На углу остановились у палисадника перед каменным домом на высоком фундаменте.

– Вот-с домовладение господина Зильбера. Два дома и флигель. Сам хозяин в этом деревянном доме проживает. А каменный сдавал. Но как военные в том годе нас оставили,

с квартирантами затруднительно.

Хозяин и гость сидели за обеденным столом. Уже перебрали всех общих знакомых. Наконец, приступили к делу.

– Стало быть, Григорий Акимович, вы самоубийство исключаете? А как же другой врач?

– Да и господин Зайончковский исключает.

– Что же заключение так замысловато составил?

– Политика, надо полагать. Он семейство Коневичей много лет лечит. То, что Василий Михайлович умер от ударов в пах и виски, очевидно.

– А в пах... это ведь на определенные мысли наводит?

– Мысль тут одна: погиб жертвою своей слабости к материальным наслаждениям. Те, кто близко знал покойного, этому не удивляются.

– Григорий Акимович, а вы можете мне представить кого-то из знакомцев покойного?

– Я, Григорий Алексеевич, в лучшие дома Утятина не вхож. Лечу больше мещанские семьи, немного по купечеству, чиновничеству. Да и с ними у меня отношения больше по необходимости, чем по душевной склонности. Вы понимаете деликатность моего положения?

– Да в чем же она?

– Сын выкреста. Родословная на лице моем написана. Вот братец мой не таков: дороден, курнос в маменьку. Он и пошел у нас по государственной линии. Чиновником в столице.

– И что же, вы знакомств совсем не имеете?

– Есть у меня знакомцы, но не так много. Почему-то все больше из немцев. Соученик мой по Дерпту, страховой агент Щапов, служащий почтово-телеграфной конторы Гофман, управляющий имением Барташевых Шпильман.

– Управляющий? А управляющего имением Коневичей вы знаете?

– Не близко. Он Францу Карловичу Шпильману сродни. Вторым браком на племяннице его женат был. Николай Иванович Петров. Чудный старик, добрый, умный, честный. Не очень ему повезло. Дочь от первого брака слегка придурковатой родилась. А весной с ней несчастье приключилось. Надругались над ней и убили. Только на третий день в Щигровском овраге нашли.

– А исправник уверял, что уезд ваш спокойный. Что же, нашли злодеев?

– Где там! Мне кажется, и искали недолго. Впрочем, я как-то не следил за этим.

– Дочь единственной была?

– Нет, есть сын от Софьи Георгиевны. Коленька, гимназист. Хороший мальчик. К теткам своим, девицам Шпильман, на вакациях наезжает. Оттого и знаю.

Через неделю управляющий Петров был арестован. Пытались задержать и его сына, но он бежал.

Глава 3

Перед уходом Елена Игнатьевна разбудила дочь: «Выпей

отвар». Зоя захныкала: «Не хочу это медвежье ухо!». «Это вкусно, это брусничный лист». Не открывая глаз, Зоя глотнула. «О, вкусненько! Спасибо, мама!» И тут же заснула снова. Раньше одиннадцати не проснется. И слава богу, пока спит, ничего не натворит. Двадцать лет, а соображения как у дошкольницы.

Теперь Елена Игнатьевна закрывала ее на ключ. Нелюдимая Зоя, как ни странно, обожала ходить по рынку. Если в ее руки попадали какие-нибудь деньги, она опускала их в картонную коробку перед слепым гитаристом Володей и потом слушала его пение. Без денег же не подходила к нему, считая, что песни бесплатно слушать нельзя. Ходила и к соседке из «нерусского дома» Ираиде Семеновне, которая торговала в промтоварном павильоне. Ее Зоя любила почти так же, как Надю Василевскую, и упорно звала Ирочкой, хотя мама ее за это ругала, мол, нельзя старших по имени звать. «Ирочка молодая и красивая!», – отбивалась Зоя. «Вот комплимент, да, Елена Игнатьевна? Ведь Зоя у нас кривить душой не умеет!» – сказал продавец Гена. Елена Игнатьевна с ним согласилась. Бездетная Ира была ее на несколько лет старше, но выглядела не в пример лучше. К ним с Леной Шпильман давно уже незнакомые обращаются: «Бабушка!». А Иру так не назовешь. Дама она. Когда приоденется, то даже Прекрасная дама. И ухажер к ней наезжает из Москвы. И не простой, крутой мэн, выражаясь современным языком.

Так вот, о рынке. Иногда Володя просит: «Зоя, собери ме-

лочь!» Зоя старательно выбирает из коробки монетки и идет в продовольственные ряды: «Кому мелочь?» Однажды толстая Кира Козина из Патриаршего сказала ей, что Зоя Володе невеста и еще много всякого. Зоя не поняла, но, отдав деньги Володе, пошла к Ирочке и пересказала, что запомнила. Гена вскочил: «Вот гнида! Я ей морду набью!» А Ирочка сказала: «Не надо, Гена. Ее бог накажет. А ты, Зоя, больше к этой Кире не подходи. И то, что она говорит, не повторяй. Так говорят только глупые и злые. А замуж выходят только здоровые. Ты болеешь, поэтому замуж тебе не надо». «Я знаю, Ирочка. Я не хочу замуж. И Володя не хочет».

Через несколько дней Зоя пошла менять мелочь и прошла мимо Киры, хоть та ее звала. Высыпала монетки на прилавок перед бабушкой Машей и ждала, пока та пересчитает. А Кира сказала: «Ты что это, Зоя? Я тебе такого жениха сосватала, а ты мимо проходишь?» И Зоя ей ответила: «Так говорят или глупые, или злые. Замуж выходят здоровые. Я болею, мне замуж не надо. А тебя бог накажет». Кира смущенно засмеялась и спросила: «А как бог наказывает, Зоя?». Зоя вспомнила, что так говорили про парней из второго подъезда, которые машину угнали, и ответила: «Может быть, он тебе ноги переломает. Даст тебе перелом со смещением». Зоя любила повторять непонятные слова.

Почти через месяц у Киры, и правда, случился перелом, но не ноги, а руки. Зато, как Зоя обещала, со смещением. Собственная корова ее боднула. Тут уже народ заволно-

вался. Баба Маша даже спросила забредшего за зеленью отца Александра, может ли дурочка Зоя пророчествовать. Отец Александр был явно с бодуна, но в разговор вступил: «А что, устами младенца...». «Батюшка, так ведь месяц почти прошел». «Господь в велицей милости своей дает грешнику время, чтобы покаяться», – и ушел. Не то всерьез сказал, не то пошутил. Но баба Маша предложила Кире на всякий случай покаяться. Кира послала ее по матушке, но потом поговорила с благочинным отцом Лаврентием. Рассказала ли она не обо всем, или он ее не очень внимательно слушал, но вернулась она на рынок сияющая: «Батюшка сказал, что все это глупости! А ваш отец Александр давно от службы за пьянство отставлен!» «Да все ли ты ему рассказала?» Кира отмахнулась и ушла. Только когда гипс сняли, что-то оказалось не так: не то кость не срослась, не то срослась, да не так, только отправили Киру в областную травматологию на операцию. Тут уж все уверовали, что было пророчество. Елена Игнатьевна, услышав эту историю от Ираиды Семеновны, схватила за голову, и дочь стала запирасть. Еще не хватало, чтобы глупые бабы стали искать в Зоиных словах предсказаний!

Иногда Зоя спала до прихода матери на обед. Иногда просыпалась раньше, ела то, что было оставлено ей на кухонном столе, а затем слонялась по дому в ожидании матери. А бывало и так, что просыпалась в слезах и садилась на кухонный подоконник, негромко воя и размазывая слезы по щекам. На

такой случай Елена Игнатьевна держала в газовом ящике запасной ключ. Кто-нибудь из соседей, видя, что Зоя плачет, отпирал ее и уводил с собой. Все это были люди работающие, поэтому чаще всего выручала Зою пенсионерка Потылиха. Эта выжившая из ума скандальная старуха когда-то училась с Еленой Игнатьевной в одном классе. Первая красавица школы Сонечка Котова, позже по мужу Потылицына, теперь по-уличному Потылиха, стала с годами похожа на жабу и держала в страхе весь двор, затевая скандалы по любому поводу. Но Зоя ее почему-то совсем не боялась, звала тетей Соней и любила сидеть рядом с ней на лавочке у сараев и глядеть, как Потылиха распутывает пряжу для вязания.

Елена Игнатьевна шла по проулку мимо «нерусского дома». Назывался он так не то потому, что выделялся среди других башенкой с флюгером, не то из-за того, что здесь всегда жили люди не русские, особенно в первом подъезде. У сараев Роберт гремел железками под машиной, рядом сидел на корточках Паша Бокин и давал советы. Из проулка к ним шел на помощь еще и Сережка Кузнецов, бывший зять Потылихи. А из второго подъезда в их сторону направлялась его теща. «Сейчас будет орать на всех», – подумала Елена Игнатьевна и свернула к ним.

– Здравствуйте, – громко поздоровалась она с мужчинами. – Роберт, как там Рубен? Здравствуй, Соня.

Потылиха кивнула ей, невнятно поздоровалась и отошла к сараям. На это Елена Игнатьевна и рассчитывала: выжившая

из ума старуха побаивалась своей бывшей одноклассницы и свар при ней не заводила. Роберт выполз из-под машины, радостно улыбаясь:

– Елена Игнатьевна, вас-то я и ждал. Рубен хорошо, скоро диссертацию защитит. Он в Ленобласти был в командировке и в каком-то музее письма нашел из Уяттина. Вам ксерокопии передал. У меня руки грязные, вы, пожалуйста, возьмите ключ. Там в прихожей на подзеркальнике конверт такой большой коричневый.

– Спасибо, Роберт. И сыну спасибо передай.

Конверт был тяжелющий, верных полпачки бумаги. Записка к ней – прямо на конверте: «Елена Игнатьевна, эти письма хранятся в архиве ...ского районного музея Ленобласти. Все из Уяттина. Я не читал, но мельком проглядел. Там есть наши уяттинские события и фамилии, в т.ч. ваша. Адресат – Ишеева Мария Афанасьевна, ул. Спиридоньевская, соб. дом. Письма у них разложены по хронологии, пронумерованы и сшиты, поэтому часть текста не скопировалась. Надеюсь, что-нибудь вам пригодится! Рубен».

В музей Елена Игнатьевна почти бежала. Ишеевы – известный княжеский род. В Уяттинском уезде им принадлежали села Коржавино, оно же Ивановское, Ишеево и деревня Калинки. Эта ветвь княжеского титула не носила, но считалась одной из знатнейших в губернии. В кабинете первым делом схватилась за картотеку персоналий на «и». Ишеевы ... вот! Афанасий Петрович, 1752 года рождения... же-

ны... дети. Первый брак – с вдовой графа Франца фон Мантейфеля Анной Петровной, урожденной Аристовой. У нее от первого брака дочь Августа фон Мантейфель, 1779 г.р., в замужестве Черемисинова. От брака с Ишеевым у нее же дочь Мария Афанасьевна 1782 г.р. – надо думать, искомый адресат; Петр Афанасьевич 1788 г.р. Второй брак Афанасия Петровича с девицей Екатериной Барташевской; от нее дети: Афанасий (ум. во младенч.), Степанида, 1794 г.р., в замужестве Тихменева. А адресанты у нас кто? Елена Игнатьевна вынула из конверта ксерокопии и взглянула на первый лист: 1832 г.

Милостивая государыня Мария Афанасьевна!

Не имея возможности за дальностью расстояния, – лично с наступающим днем Светлого Христова Вос–таю за особое удовольствие, хотя письменно, пожелать –ти эти торжественные дни в радости и веселии.

С истинным почтением

преданный вам Игнатий Тумбас–о

Тумбасов? Неужели родственник? Восстановить текст легко: «поздравить Вас», вторая строка «кресения, счи–», третья – «вам провес–». Кто же он девице Марии Афанасьевне? Второе письмо подписано Машей Тумбасовой:

1833 г.

Добрая и милая бабушка!

Маленькая внучка Ваша поздравляет Вас с Новым годом – прожить много-много счастливых лет в радости и весельи.

Ах, как бы я хотела Вас, милая моя бабушка, обнять и рас-Но злая судьба не дает мне такого счастья.

Крепко-крепко целующая Вас внучка
Маша Тумбасова.

Откуда у незамужней Марии Афанасьевны внучка? Наверное, внучатая племянница? В 1833 году Августе, единокровной сестре Марии, было 54 года. Реально иметь маленькую внучку. Возможно, Игнатий – муж племянницы. Надо же, очень вероятно, что родственники...От Августы писем нет. Значит, умерла молодой. Ну-ка, Черемисиновы. Яков Митрофанович 1770 г. Жена Августа. Она! Единственная дочь Августа 1801 г.р, в замужестве Тумбасова. Тумбасовых в картотеке нет, но понятно, что Маша – плод этого брака.

Глава 4

Плод этого брака Маша Тумбасова рука об руку с Екатериной Тихменевой шла по главной аллее городского общественного сада. Сегодня здесь собрался весь город. Квартировавшие в Утятине офицеры и солдаты отдельных частей Таганского пехотного полка под командованием полковника Александра Флегонтовича Соловьева покидали город. Вечером в Благородном собрании будет бал, а сейчас в ротонде военный оркестр играет марши.

– Ты не права, Машенька. Что твой батюшка женился на Софье Анисимовне, вовсе не означает, что он перестал лю-

бить тебя.

– Не перестал... если вообще любил. Заметь, я не сказала, что ко мне кто-то переменялся. Только пока я жила дома, меня матушка любила. Дедушка наезжал или меня к нему возили. Он меня баловал. Потом, как матушка заболела, меня в пансион отправили. Как славно, что и тебя туда определили! Иначе кто бы меня утешал!

– А меня Софочка утешала. Я совсем маленькой туда была определена. Как я плакала, расставаясь с папенькой! Но что было делать. Денег у папеньки совсем мало было, нужно было дедушкин долг возвращать. А тут Ишеева обещалась за пансион платить. Если бы не Софочка, я, право, умерла бы.

– Это какая Софочка?

– Когда ты в пансион поступила, она уже пепиньеркой была. Мадмуазель Котова.

– А, славная такая. Как она пела дивно! Голосок просто ангельский. И не сердилась на наши шалости. Впрочем, там все славные были. И учительницы, и пансионерки. Кроме...

– Аглаи Барташевой!

Произнесли это барышни хором. И засмеялись. Первой перестала смеяться Маша:

– Вернулась я из частного пансиона в родной дом. А там... обнова: мачеха и двое маленьких детей. Отец брови супит, мачеха язвит. В своей комнате не могу одна побыть. Все считают возможным зайти без стука: и мачеха, и дети, и прислуга.

– Чем же ты Софье Анисимовне не угодила?

– Не знаю. Она Лизаньку очень любит, но девочка слишком на меня похожа. Мамаша все говорит, что будет красавицей. А на меня посмотрит, и огорчается. Ну и скажет: не то, что сестра твоя, верста коломенская. А характером сестрица в родительницу: злая, жадная. Вася, он мягче.

– Да, Маша. Хоть бы Ефанов к тебе посватался!

– Пора, Кита, бросить эти фантазии! Мы уж восемь лет с тобой из пансиона. Никто к нам не сватается. Не красавицы мы, приданого нет, да и годы. Ну, ты, положим, на два года моложе. И миленькая, и не такая дылда. А мне бы в компаньонки к какой-нибудь старой барыне.

– Господь с тобой, что ты говоришь такое.

– А я полагаю, что тетушка Марья Афанасьевна кого-то из нас в столицу заберет компаньонкой. Конечно, из приличия скажет, что в гости. И я совсем не против. Только сразу надо спросить, сколько жалованья положит.

– Да как же это возможно?

– Сдается мне, от чужого человека брань легче терпеть. И за деньги, а не так, как сейчас.

– Деньги? Вот за Аглаей Барташевской, говорят, большое приданное дают. Только и она пока не просватана. Ой! Помяни черта, и он тут как тут. Машенька, смотри: в экипаже и с кавалерами.

– Это кто с ней? Ты же знаешь, я близорука.

– Верхом Коневич и сам полковник Соловьев! А в коляске

твоя родня Черемисинов.

– Какая родня! Так, седьмая вода на киселе. Мы и не знаем.

– А говорили, что сватался он к тебе.

– Когда в уезд приехал из столицы, он первым делом к папеньке явился. И ко мне проявлял особое внимание. Тогда дедушка умер, он думал, я наследница. А когда узнал, что Зосимки заложены и перезаложены и на торги выставлены, он сразу к нам дорогу забыл.

– Ефанов не таков!

– А Ефанову маменька выгодную партию ищет. И будет об этом. О, медам! Рада встрече!

Навстречу барышням шли Анна Адамовна Шпильман с дочерьми в сопровождении подпоручика Лёве и голубоглазого кудрявого подростка. Старшая из сестер, Марта, училась с Машей и Китой в пансионе.

– Узнаете нашего кавалера? – спросила меньшая Шпильман, Нюта. – Гимназист Коленька Петров!

– Это вам он по родству Коленька. А для нас Николай Николаевич. Помните меня, господин Петров? Лет семь назад мы с вами на детском празднике у Барташевых волхвов представляли.

– А еще рыцарями на мечях сражались, – ответил покрасневший мальчик. – Рад встрече, Марья Игнатьевна.

– А Катерина Ивановна ваш тулупчик, ленточкой перевязанный, в руках держала. Она была пастушкой, а тулупчик

ваш – овечкой.

– Как же! Две маленькие барышни, не помню уж, кто, хотели овечку погладить. Очень я боялся, что они тулупчик мой унесут.

– Помню-помню! С трудом слезки сдерживал. Анна Адамовна, вы куда всем обществом направлялись?

– Просто гуляем, Машенька. Не желаете присоединиться к нам?

– С удовольствием! Кита, предложи руку Анне Адамовне! А я, с вашего позволения, на Николая Николаевича обопрусь. Барышни, не возражаете, что я вашего кавалера умыкну?

Поворачиваясь, она успела поймать благодарный взгляд Марты. Маша не расположена была к большому обществу, но увидела, что барышням Шпильман нужно было с подпоручиком переговорить, поэтому и пошла по аллее с Коленковой, закрыв собой барышень от взгляда матери.

– А расскажите мне, господин гимназист, о столице. Вы ведь в Петербурге обучаетесь? Я ни разу там не была!

Они прошли до каменной ограды сада и повернули обратно. Из боковой аллеи навстречу им вышла шумная компания Аглаи Барташевой. Ни с одной стороны желания объединиться не было, но простые правила вежливости вынудили их остановиться и заговорить. После преувеличенно радостных приветствий наступила неловкая пауза. Тогда Конович обратился к гимназисту:

– Коля, с родственницами вашими я знаком, но, может быть, вы представите нам своих спутниц?

– Да, извольте... Марья Игнатьевна Тумбасова.

– Дочь Игнатия Илларионовича? Простите, мы, кажется, знакомы?

– Наверное. В Утятине, мне думается, все немножко знакомы.

– А это Катерина Ивановна Тихменева.

– Рад знакомству. С вашим батюшкой Иваном Петровичем я имел дела по казначейству. Весьма достойный человек!

Все это время Аглая нервно постукивала ногой, явно желая поскорее распрощаться. Маша желала того же, но помогать Аглае? Пусть помучается!

– Вы будете сегодня в Дворянском собрании? – это Коневич обратился к барышням.

Маша молча поклонилась. Кита бросила не нее вопросительный взгляд. Наконец-то откланялись.

– Ты же не собиралась...

– Разумеется. А что, мне следовало отнекиваться, напрашиваясь на уговоры? Собиралась – передумала! А как Аглая вертелась! Неловко ей с нами.

– Боялась, видно, что я ее кузиной назову.

У ворот сада распрощались. Нюта сияла, глаза ее блестели, щеки горели.

– Объяснение произошло! – воскликнула Маша, отойдя

от сада на некоторое расстояние.

— Что за манера сводить влюбленных! Это свойственно старым девам, — засмеялась Кита. — Я сперва не поняла, что ты в гимназиста вцепилась. Но когда маменька то и дело оборачивалась...

— Пусть хоть Нюте повезет. Лёве, он милый.

— Гимназист тоже милый. Как глядели на тебя голубые глазки! Маша, ты Мессалина! Можно ли столь юного кавалера завлекать!

Переступив порог дома Тумбасовых, они услышали:

— ...заботясь о благоденствии народа...

— Господи, Микулин!

— Кто таков?

— Папенькин знакомый. Каждый год на несколько недель в Утятин наезжает по делам.

— А тебе что за печаль?

— Нуда он. «Просвещение народа», «благопристойность», «столпы самодержавия», «развитие промышленности». А в коридоре Наташку по щечке треплет.

— У, старый такой.

— Это не помеха. Папенька тоже треплет. Пойдем ко мне!

Только повернули к лестнице, Софья Анисимовна окликнула:

— Машенька, ты разве не видишь, у нас гость.

— Здравствуйте, Софья Анисимовна.

— Здравствуйте, Catrine. Федор Иванович, я прошу прощения:

ния за невнимательность нашей дочери к вам. – Маша еле слышно вздохнула. – Позвольте представить вам ее подругу. Екатерина Ивановна Тихменева, племянница Марии Афanasьевны по отцу.

Барышни переглянулись и присели на козетку.

– Вы родственница князя Ишеева?

– Дедушка не носил титула.

– Однако в Бархатной книге Ишеевы записаны княжеским родом.

– Не утятинские. В нашем уезде нет титулованной знати.

– Только из-за нежелания похлопотать.

– Ну, если кузен Афанасий Петрович изъявит желание...

Федор Ионович обратил свой взор на Машу:

– Марья Игнатьевна, вы по-прежнему музицируете?

– Редко. Больше занимаюсь обучением сестры. – Лицо Софьи Анисимовны покрылось красными пятнами. – Простите, Федор Ионович, мы, наверное, помешали вашим с папенькой серьезным разговорам. А кузина зашла посмотреть мои покупки.

Поднимаясь по лестнице, гостя спросила:

– Что так взволновало Софию Анисимовну?

– Ах, наверное, она гостю похвалилась, что наняла для Лизаньки учительницу музыки. И что она гораздо способнее своей нескладной сестрицы.

– Бедная ты бедная. У меня тоже маменьки нет, но хоть папенька мачехи в дом не привел.

– Да, твой папенька славный. И любит тебя. Только вся родня на него косится: и папенька, и тетка Марья Афана-сьевна.

– Маша, а почему ты ее тетей стала звать? Это мне она тетка, а тебе бабка двоюродная.

– Маленькой я ее бабушкой звала. Но потом поняла, что ей это неприятно.

– Хочет казаться моложе, а со взрослой внучкой того быть не может?

– Вот погоди, засохнем в девках, будем и мы племянниц сестрицами звать!

В Машиной комнате Кита схватила томик стихов и стала его листать:

– Ах, Маша, взгляни! Ну, не странно ли:

Сад тенистый с изворотами

Темных липовых аллей,

Сад с беседками и гротами –

Полон множеством людей...

Прелесть этот Бенедиктов! Прямо про нашу прогулку! Машенька, а ты знаешь, что по стихам можно гадать? А ну-ка!

Кита раскрыла томик и ткнула пальцем наугад:

– Учились мы петь там согласно

И крылышком ловко махать,

И можем теперь безопасно

По целому свету порхать.

Машенька, что это означает?

Подруга, нахмурившаяся было при легкомысленном предложении погадать, засмеялась и выхватила книжку:

– Ну-ка, ну-ка! По целому свету порхать – это заманчиво! Так, «учили в клетке» – это наш пансион. Господин Бенедиктов предрекает тебе, что твое воспитание позволит тебе удачно выйти замуж и отправиться в свадебное путешествие!

– Машенька, погадай и ты!

– Эх, раскинем карты наудачу!

Когда судьба тебя послала

В тернистый, трудный жизни путь

И пищей скорби упитала

Твою взволнованную грудь...

Да, в точности моя судьба! А дальше что?

И если небом заповедан

Тебе священный крест любви,

Живи один! Кому ты предан –

С собой в путь мрачный не зови!

Ах, господин Бенедиктов мне предрёк нищету и одиночество! Право, не удивлюсь, если сбудется...

– Машенька, всё это глупости! Первый куплет – он пророческий. Да, трудная жизнь у сироты! А второй куплет ты не

должна была читать, он в гадание не входит. И я-то, глупая, у поэта о жизни спрашиваю!

– Ну, полно о пустяках. Но всё же обведу я эти строки пером. На старости лет в креслах у камелька перелистаем мы пожелтевшие страницы и посмеемся... или поплачем. А стихи недурны.

– Да, талантливый господин. А говорят, Коневич с ним дружен.

– Да, он со многими литераторами, говорят, дружен.

– А, про кавалеров говорите! – В дверь заглянула Лиза, младшая сестра Маши. – Всё папеньке расскажу!

– Что ты расскажешь, маленькая лгунья? И кто позволил тебе без разрешения в комнату Маши зайти?

Кита подлетела к двери и ухватила девочку за жидкие кудри.

– Кита, оставь!

– Ну, уж нет! Не позволяй им брать верх, это никогда не кончится! Они ведь не становятся к тебе добрей оттого, что ты им уступаешь! Тогда какой смысл уступать!

– А ты права! Лиза, если еще раз ты войдешь в мою комнату без разрешения, я оболую тебя помоями.

Громко заревев, девочка убежала.

– Ну, сейчас будет гроза, – мрачно сказала Маша.

И гроза не заставила себя ждать. Как фурия влетела Софья Анисимовна. Произошла безобразная сцена, и Катерине было указано на дверь.

Проводив Киту до экипажа заехавшей за ней тетки, Маша вернулась в дом. Пыталась проскользнуть к себе, но из гостиной ее окликнул отец.

– Изволь объяснить, что за скандал ты устроила, – сурово сказал он.

«А права Кита, нельзя уступать», – подумала Маша и сказала:

– Я не скандалила. Немного ругалась Марья Афанасьевна, а я молчала.

– Марья Афанасьевна была здесь? Почему ты не пригласила ее в дом?

– Я приглашала. Она сказала, что если отсюда гонят ее родню, то она порога нашего не переступит.

– Кто гонит ее родню?

Маша повела глазами в сторону Софьи Анисимовны. Посмотрел на нее и Игнатий Илларионович.

– Вы этой лгунье верите? – возмутилась она, покраснев.

– Могу вам солгать, что Киту выгнала я. Наверное, мне не хотелось с вами расставаться, ведь Марья Афанасьевна полагала пригласить меня в Петербург, а теперь берет Киту.

– Что?!

– Да, я остаюсь в родительском доме. Софья Анисимовна, наверное, рада...

Семейный скандал продолжался. Неожиданно отца поразила причина начала ссоры. Масла в огонь подлил Вася, простодушно сообщивший, что маменька не велела церемонить-

ся с сестрицей: они в доме хозяева, и могут заходить в любую комнату... кроме папенькиной, конечно. Зашла речь и о кавалерах. По просьбе Маши Вася принес томик с ее стола.

– Бенедиктов, – прочитал он на обложке.

– Вот, об этом кавалере они говорили!

– Глупая девчонка, – гневно сказал отец. – И вы поощряете ее в подслушивании и доносах, заставляя говорить о том, что выше ее понимания! И ты тоже хороша! Не могла убедить бабушку не сердиться!

– Я небогата, – тихо ответила ему Маша.

– Что?!

– Деньги дают право ругать, не слушая возражений... Она, как и вы, не давала мне слова вставить.

Некоторое время Игнатий Илларионович молчал. Потом сказал:

– Ступай в свою комнату. Наш разговор не закончен. – Лиза радостно хихикнула. – Лиза, ты наказана. На именины к Наде не пойдешь! Слушайте, дети, вы оба! Если еще раз зайдете к сестре без разрешения, наказание будет посильнее!

«Вряд ли что-нибудь изменится, – подумала Маша. – Зря я послушалась Киты. Только мачеха тиранить сильнее станет, озлобясь».

Глава 5

– Елена Игнатьевна, вам отдельное приглашение нужно? Что вы тут делаете? – в дверь заглянул директор музея Юрий

Юрьевич, Юрка Петров, сын Лены Шпильман.

– А? – Елена Игнатьевна не сразу выбралась из середины XIX века. Прикрыв пачку ксерокопий адрес-календарём за 1903 год, она повинулась, вылезая из-за стола. – Наткнулась на возможных родственников, увлеклась...

– Ну-ка, – оживился Юрий Юрьевич. Он заглянул в картотеку, посмотрел её выписки и сказал. – Точно, предки. И Игнатий, и Августа – ваши родовые имена. У вас ведь тётка была Августа?

– Откуда вы знаете? – вырвалось у Елены Игнатьевны.

– Мама сказала.

Это у него тоже вырвалось. Что-то в последнее время происходило между ними. Когда Юрку поставили директором музея, Елена Игнатьевна даже обрадовалась: он был историком, очень увлечённым краеведением. Не то, что экономист по образованию Агаша, его предшественница. Той всё равно, чем заведовать: хоть баней, хоть планетарием. Елена Игнатьевна в присутствии посторонних звала директора только по имени-отчеству, хотя знала его с рождения и много нянчилась с ним в первые годы его жизни, помогая подруге. А потом подросший Юрочка катал в коляске её Зою.

Интересы их не предполагали соперничества: Юра занимался хронологией и историей народного образования, главной страстью Елены Игнатьевны был Коневич. Но в последние месяцы что-то случилось. Юра говорил с ней, едва сдерживая неприязнь. Спросить бы: может, место моё кому-то

понадобилось, может, сплетня какая прошла? А может быть, начальство приказало избавиться от пенсионеров, он взял под козырёк, а сказать об этом подруге матери неловко, вот и злится? Елена Игнатьевна уговаривала себя, что уходить пора, но жалко было расставаться с интересной работой, да и малюсенькая зарплата была не лишней вдобавок к их с Зоей двум пенсиям. И обидно: ни одна из молодых сотрудниц музея ей в подмётки не годилась. Экскурсию они провести могли, двое даже отличались артистизмом, но ответить на каверзные вопросы – не всегда. А заниматься как она краеведческими изысканиями, публиковаться в прессе, областных краеведческих сборниках из музейных работников мог только Юра. Они даже вели постоянную рубрику в местной газете «Утятинский летописец», где печатали краеведческие материалы. Был почти готов к изданию труд десяти лет её жизни – «Лебединая песня Василия Коневича». Даже спонсора она нашла, и была твёрдая договорённость, что в следующем году владелец магазина «Универмаг Утятинский» Юрий Петрович Кожевников издаст книгу в соседней области, где цены ниже, а полиграфическая база не в пример лучше, чем в Уремовске. Конечно, гонорар не предполагался, краеведческие издания всегда убыточные. Но сам факт... может, Юра завидует? Да нет, он за шесть лет работы в музее уже выпустил две серьёзные книги. Спросить бы в лоб, да ведь не ответит, он явно избегает объяснений, рассчитывая, что Елена Игнатьевна не выдержит давления и уйдёт по

собственному желанию.

Закрывая кабинет, она спросила:

– А что вы знаете о детях Афанасия Ишеева? Ведь никто из них в уезде не жил?

– Как раз жили. В столицу перебрались только дети от первого брака. Наследник, Пётр Афанасьевич, кадетский корпус закончил, в гвардии служил, потом была какая-то тёмная история с карточными долгами или шулерством. Короче, из гвардии выгнали, отец долги погасить отказался, да и не было у Ишеевых больших денег. Умер в один год с отцом. Оставил молодую вдову с сыном, их сестрица Мария Афанасьевна поддерживала материально, хотя сама жили из милости у двоюродной бабки генеральши Ишеевой. Потом вдова сбежала с гусаром, а мальчика генеральша взяла в свой дом. Однако оставила свои средства Марии. Та уже перестарком была, замуж не вышла, растила племянника. А падчерица Афанасия здесь жила. Вдова Афанасия вышла замуж за смазливового чиновника, её вдовье наследство они быстро прожили, дочь совсем юной вышла замуж за управляющего имением Тихменева. После раздела имения Тихменев служил в местном казначействе. Фамилия хорошая, дворянская, но после реформы в истории уезда не встречается. Либо брак был бездетным, либо переехали.

Сегодня сотрудники музея проходили в поликлинике диспансеризацию. Елену Игнатьевну раздражало это чисто формальное мероприятие. В кабинетах их практически не

осматривали, а только отмечали в карточке, что осмотр пройден, пациент здоров. Поэтому она думала только о письмах, которые так и не начала читать, и вернуться к которым ей не терпелось. И сначала не отреагировала на предложение срочно пройти маммографию. Но потом, уже на обратном пути в музей, ей вдруг стало страшно: «Вот жила, ни на что не жаловалась, думала, мне износа не будет. А если рак? Результат только завтра будет. Да какая разница! Что с Зоей делать? Ведь Эля её не возьмёт. Она ею брезгует, а Лена и Игорь просто на дух не выносят. Значит, в дом престарелых...» Ещё до перестройки был в Утятине такой, в народе звавшийся богадельней. Жили там деды с уголовным прошлым да скандальные старушки. А такие беззлобные, как Зоя, долго не заживались...

– Елена Игнатьевна, ехать надо срочно. Я вас не пугаю, но опухоль слишком большая. Настраивайтесь на операцию и последующее длительное лечение, – напутствовала её Ирина Владимировна, подписывая направление в онкологию.

– Куда ж я её, – севшим голосом почти прошептала она.

– Если не с кем, давайте, я выпишу направление в участковую больницу в Конь-Васильевку или в Патриаршее. Заодно почки подлечим, – предложила сочувственно врачаха.

– Нет-нет, я решу...

Елена Игнатьевна шла больничным парком, машинально здороваясь со знакомыми. Уже у дома её окликнула Надя Василевская. Придержала за рукав, начала говорить о чём-

то своём, потом осеклась и сказала:

– Ну-ка, быстренько в дом, – усадила её на диван и сказала. – Давайте, выкладывайте, что у вас!

Поговорить им не дала Зоя. Увидела расстроенное лицо матери, завопила гнусаво: «Мама!» и вцепилась в неё намертво. Они вдвоём долго её успокаивали, затем Надя вынула из стола паззлы и усадила Зою их собирать. Делать этого Зоя так и не научилась, но сидела над ними долго и упорно.

– Ну, теперь рассказывайте.

Пока Елена Игнатьевна утешала дочь, успокоилась сама. От Нади ей не было смысла что-то скрывать, только попросила не трепать по городу.

– У нас что-то скрыть невозможно. Вы ведь по поликлинике ходили? Ну и всё. Насчёт Элеоноры Игнатьевны вы неправы. Да и племянники ваши не смогут бросить родную кровь. А пока нужно поступать так, чтобы прожить как можно дольше. Что вы смотрите на меня так? Елена Игнатьевна, вам же скоро 60? Большая часть жизни позади. И с онкологией не враз умирают. Прооперируетесь, потом лечиться будете. Ваши рукописи с собой возьмёте, будете над ними работать, чтобы отвлекаться от дурных мыслей. («Да, правда, – подумала Елена Игнатьевна. – Письма с собой возьму, буду восстанавливать и включать в текст книги»). Я за Зойей пригляжу, другие соседи тоже помогут. Не пропадёт! Так что завтра извольте в Уремовск отправляться. А Зоя у меня посидит. Ой, телефон сел. Можно, я с вашего позвоню?

Выйдя из дома Тумбасовых, Надя некоторое время нерешительно топталась на крыльце. Потом махнула рукой и пошла к «нерусскому дому». Взлетела на второй этаж и сразу нажала на звонок, чтобы не передумать.

Открыл дверь приезжий друг Ираиды Семеновны, которого она почему-то до дрожи боялась.

– Мне Ираиду Семеновну...

– Проходите, проходите. Пожалуйста к столу, мы чай пить собираемся.

Из кухни выглянула хозяйка, увидев расстроенное лицо Нади, приобняла ее и повела в зал, сказав:

– Костя, ты пока чай заваришь, мы посплетничаем.

Выслушала ее, сказала:

– Какая ерунда! Ты абсолютно права, это еще не приговор. Завтра я ее сама отвезу в больницу. И Зою с собой захвачу, она любит на машинах ездить. А телефона ее сестры у тебя нет?

– Как же, – зачастила Надя. – Я специально с ее телефона себе СМС послала с номером. Только, может, вызовем мы ее, когда Елену Игнатьевну в больницу положат?

– Это конечно. Только предупредить-то заранее надо. У человека есть свои планы и обязательства.

Переговорив с сестрой Елены Игнатьевны, Ираида Семеновна расстроено сказала Наде:

– Она... не знаю, как сказать... просто рассыпалась. Ничего, соберется. Я ведь их еще школьницами знала. В одном

дворе жили. Девчонки со стержнем. Целеустремленные, ответственные. Лена талантливее, Эля жестче. Лена училась в институте заочно, сразу работать пошла. Мачеха копейки получала, Эля маленькая, надо помогать. Если бы как Эля в Москву поехала, сейчас бы науку двигала.

– Девочки, к столу! – крикнул из-за двери Константин. Заглянул и сказал. – Конечно, чаю попьем, но сначала, наверное, коньячку? Или, может, вина?

– Нет-нет, – испугалась Надя. – Я пойду!

– Возражения не принимаются, Надя, нужно стресс снять, – сказала Ираида Семеновна и повела ее на кухню. – Молодые дамы предпочитают красненькое? Я-то коньячку выпью.

– А, давайте коньяк! Нет, вторую не наливайте. У меня отец был алкоголик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.